

Ален

ЭССЕ ИЗ СБОРНИКА "О СЧАСТЬЕ"

Пер. с франц. В. Антонова и А. Веткина

Ален /Эмиль-Огюст Шертье/ - французский философ
и моралист, 1868-1951.

Нетрудно быть недовольным и несчастным, достаточно просто сидеть королем, ждущим развлечений. Взор, что ловит удачу и относится к ней как к явству, на все накладывает какую-то скуку, не лишенную, правда, величия, ибо в презрении к дарам заключена определенная сила. Однако, одновременно я замечаю нетерпение и гнев в отношении трудолюбивых работяг, которые, как дети — саду, радуются малому. От таких я бегу. Опыт мне довольно хорошо подсказывает, что нельзя развлечь скучающих по своей вине.

Наоборот, приятно смотреть на счастье; это — самое прекрасное зрелище. Что может быть прекраснее ребенка? Он весь поглощен своими играми и не ждет, что кто-то для него будет играть. Правда, закапризничав, он делается другим, и не стремится к веселью. У детства, к счастью, короткая память, хотя каждый, вероятно, имел дело со взрослыми детьми, которые все время капризничают. Знаю, что для этого у них могут быть вполне серьезные причины: быть счастливым всегда нелегко; приходится бороться со множеством людей и событий, и можно потерпеть поражение, ибо бывают, несомненно, трагические случаи и более серьезные горести, чем учат стоики. Быть может, долг заключается в том, что не следует признавать поражения, не отдав всех сил борьбе. Для меня очевидно, что нельзя стать счастливым, не стремясь к счастью. Следовательно, надо желать счастья и работать над ним.

Мало, однако, сказать, что для счастья необходимо выполнять долг и в отношении близких. Обычно говорят, что любовь приходит к счастливому, забывая, что эта награда — справедливая и заслуженная, так как в воздухе, которым мы все дышим, разлиты горе, скука и отчаяние. Мы должны уважать и венчать лаврами вдыхающих эти миазмы и в какой-то мере очищающих нашу жизнь своим активным примером. В любви нет ничего важнее, чем верность счастью. Что может быть труднее, чем справиться с унынием, печалью или несчастьем любимых людей? Всем нам следует всегда думать, что счастье, достигнутое для себя, является самым прекрасным и самым щедрым даром.

Я предложил бы, пожалуй, учредить гражданскую награду для решившихся быть счастливыми, ибо, по-моему, все эти трупы, руины, безумные траты и меры безопасности придуманы людьми, которые никогда не знали, что такое счастье, и не выносили стремившихся быть счастливыми. В детстве я был увальнем, с которым было непросто справиться, и отличался медлительностью и флегматичностью. Нередко бывало, что какой-нибудь юркий, худой от скуки и тоски мальчуган, забавляясь, дергая меня за волосы, щипал и смеялся надо мной, пока не получал хорошего тумака, решавшего дело. Теперь же, когда я слышу о карлике, который замышляет и объявляет войны, меня даже не интересуют оправдания, ибо мне хорошо знакомы эти злобные гении, которых раздражает мир. Франция и Германия мне кажутся спокойными, как здоровые дети, которых горстка злых сорванцов измучила и, в конце концов, вывела из себя.

/1923/

ИСКУССТВО СЧАСТЬЯ

Искусству счастья надо учиться у детей. Не искусству такого счастья, когда на вас обрушилось горе (пусть этим занимаются стойки), а искусству быть счастливым, когда дела идут неплохо и жизненные невзгоды — лишь мелкие неприятности и тревоги.

Первое правило — никогда не говорить другим о своих теперешних и прошлых бедах. Невежливо рассказывать о своей головной боли, тошноте, изжоге или коликах, даже если это звучит вполне прилично. То же можно сказать о несправедливостях и разочарованиях. Взрослым, детям и подросткам надо объяснить одну простую вещь, которую они, по-моему, здорово подзабыли: сетования могут лишь огорчить других людей, то есть в конце концов вызвать в них недовольство, даже если они сами жаждут откровенности и им приятно заниматься утешением. Печаль подобна яду, ее можно любить, но не считать приятной, и верх берет всегда именно это глубинное чувство. Так как каждый хочет жить, а не умирать, то он ищет живых, то есть тех, кто говорит, что он доволен, и похожих на довольных. Как прекрасно было бы человеческое общество, если бы все не стонало над пеплом, а подбрасывало в огонь дрова.

Заметьте, в благородном обществе имелись подобные правила, но в нем скучали, поскольку нельзя было говорить свободно. Наша буржуазия дала обществу необходимую свободу слова, и это прекрасно. Правда, это вовсе не значит, что каждый вправе вываливать свои горести — это было бы страшно тоскливо. Следовало бы, пожалуй, включить семью в "общество", ибо в семейном кругу из-за чересчур большой свободы или доверия часто недовольны мелочами, о которых не вспомнили бы даже, если бы имелось хоть крохотное стремление к приятному. Тяга к интриге против властей, несомненно, возникает тогда, когда в силу необходимости хотят забыть о тысячах неприятных мелочей, о коих скучно рассказывать. Интриган, как известно, всегда при деле, и, как это бывает у музыкантов или художников, его хлопоты превращаются в удовольствие, хотя он в целом свободен от мелких забот, говорить о которых у него нет ни времени, ни повода. Следуй правилу: если перестанешь говорить о неприятностях (я имею в виду мелкие), ты скоро забудешь о них. В искусство счастья, о котором я говорю, я включил бы еще полезные советы, как относиться к плохой погоде. Сейчас, когда я пишу, идет дождь, дребезжит черепица, в водосточных трубах шумит вода, воздух чист, как будто промыт и очищен, а тучи напоминают пышные лохмотья. Надо уметь воспринимать эту красоту. "Да, но дождь мешает жатве", — скажет кто-нибудь. "И грязь везде", — добавит другой, а третий молвит, что хорошо было бы посидеть на траве. Это разумно и общеизвестно, но наши сетования — бессмысленны, и я не протестую против дождя, который оставляет меня дома. В дождливую погоду особенно приятны веселые лица, а потому, невзирая на погоду, — выше голову!

/1910/

ТАНЕЦ С КИНЖАЛАМИ

Все наслышаны о силе духа у стоиков. Рассуждая о страдании, ненависти, ревности, страхе и отчаянии, они справились с ними, как хороший кучер с лошадьми.

Мне всегда нравилось и не раз помогало одно из их изречений о прошлом и будущем. "У нас нет ничего, кроме настоящего, — говорили стоики, — о прошлом и будущем не стоит беспокоиться,

ибо первого уже нет, а второе еще не настало."

Это верно. Прошлое и будущее существуют только тогда, когда мы думаем о них; это — мысли, а не данности. Мы расходуем много сил, чтобы доставить себе скорби и страхи. Как-то раз я видел жонглера, который поставил друг на друга много кинжалов, так что вышло некое страшное дерево, которое он держал на лбу в равновесии. Мы похожи на него, когда, как безрассудные артисты, собираем и няньчимся с нашими страхами и скорбями. Нет, чтобы держать их минуту, мы держим час, вместо часа — день, неделю, держим месяцами и годами. Больной ногами думает, что он страдал вчера, страдал и раньше, будет мучиться завтра; он жалуется на всю свою жизнь. В подобном настроении благоразумием мало чего добьешься, потому что не всегда можно совладать с сиюминутной болью. Возьмем моральное страдание — во что оно превратится, если лишится скорбей и предвидений?

Что было бы с горем несчастного влюбленного, если бы он не ворочался без сна в своей постели, замыслив страшную месть, и не думал о прошлом и будущем? Где, как не в ожившем прошлом и воображаемом будущем уязвленный неудачей честолюбец отыщет страдание? Вспомним о легендарном Сизифе, который, вкатывая камень, снова начинает свою пытку.

Всем так себя мучающим я хотел бы сказать: "Думайте о настоящем, думайте о своей состоящей из минут жизни; за одним мгновением следует другое, и, стало быть, живи как хочешь, раз уж ты это делаешь". "Меня страшит будущее", — отвечаешь ты, говоря о том, чего не ведаешь. Все всегда происходит иначе, чем ожидаешь, а раз твое теперешнее страдание велико, то будь спокоен, оно ослабнет. Все течет, все меняется. Довольно часто этот афоризм повергал нас в скорбь, пусть же хоть иногда он утешает нас.

/1908/

ТЕРАПИЯ

Поговорив о режиме, ваннах и душе, кто-то произнес: "Вот уже полмесяца я занимаюсь профилактикой хорошего настроения и от этого чувствую себя прекрасно. Бывает время, когда мысли

приобретают ироничность, когда резко критикуешь все на свете, не замечая в себе и других ничего хорошего и доброго. Если тебе от этого не избавиться, следует провести курс хорошего настроения. Он состоит в том, чтобы противопоставить бодрость духа всем неурядицам, особенно мелким, которые довели бы вас до бешенства, не будь они частью данной терапии. Ну а тут эти мелкие неприятности, наоборот, весьма полезны для закалки!

Есть зануды, которые собираются покритиковать и поплакаться; обычно их избегаешь, а во время духовной терапии устремляешься на их поиски, ибо они похожи на эспандеры: начинаешь с самых слабых, потом переходишь к тугим. Так же я поступаю с моими друзьями и знакомыми: распределяю их по степени дурного настроения и перехожу от одних к другим. Если они насмешливее обычного и более изобретательны в стремлении поносить всё и вся, я говорю себе: "Отличное упражнение! Крепись, мое сердце, возьми и это препятствие!"

Порой бывают хорошие, то есть я хочу сказать плохие вещи для терапии хорошего настроения. Подгоревшее рагу, черствый хлеб, солнце, пыль, будущие расходы, пустой карман — все подойдет для полезных упражнений. Как говорят в боксе или фехтовании: отличный удар! Парировать или принять? Обычно, люди, как дети, начинают кричать и, стыдясь крика, кричат еще сильнее. В терапии хорошего настроения, однако, все наоборот: к неприятностям относишься как к хорошему душу — отряхиваешься, поживаешься, потягиваешься, выжимая мускулы как мокрое белье. Поток жизни бежит, как новый родник, появляется аппетит, все удается, жизнь прекрасна. "Однако, я вас покидаю, — сказал наш собеседник, — у вас сейчас блестящий вид и, стало быть, вы не годитесь для моей терапии".

/1911/

СМОТРИ ВДАЛЬ!

Меланхолику я могу сказать лишь одно: "Смотри вдаль!" Такой человек почти всегда слишком много читает, а глаз человека не создан для близкого расстояния — он отдыхает на обширных просторах. Когда вы смотрите на звезды или морской горизонт, ваш глаз совершенно спокоен и, стало быть, голова свободна, по-

ходка тверда, все тело полностью расслаблено и безмятежно. Не пытайтесь, однако, расслабиться волевым усилием: ваша воля — вы сами, и когда ее прилагаете к себе самой, то все искажается и в конце концов вы задыхаетесь. Так что не думайте о себе — смотрите вдаль!

Меланхолия — это, конечно, болезнь, и порой врач может обнаружить ее причину и прописать лекарство, но от этого лекарства внимание направляется на тело, а хлопоты по соблюдению режима как раз и производят разрушительное действие. Умный врач поэтому пошлет вас к философу, но, примчавшись к нему, кого вы найдете? Человека, который чересчур много читает, чья мысль — близорука, и который меланхоличнее вас самих!

Государству для профилактики не мешало бы открыть школу мудрости. Чем в ней занимались бы? Настоящей наукой, которая есть созерцание вещей, и огромной, как мир, поэзией. Ведь наш глаз, отдыхающий на обширных просторах, устроен так, что учит нас великой истине. Надо освободить мысль от тела и вернуть ее Вселенной — нашей подлинной отчизне. Судьба человека и жизнь нашего тела родственны друг другу. Животное ложится и спит, если его ничто рядом не тревожит, а человек мыслит, и горе ему, если он мыслит по-животному. Он умножает невзгоды и нужды, трудится в страхе и надежде, отчего его тело все время пребывает в напряжении, возбуждении, готовности и собранности, в зависимости от игры воображения; он всегда подозрителен, всегда следит за окружением и людьми. Стремясь обрести свободу, он бросается к книге — замкнутому пространству, которое чересчур близко к его глазам и страстям. Размышление превращается в тюрьму, и тело мучается; можно сказать, что мысль сама себя обессиливает, а тело действует вопреки себе. Честолюбивец сотни раз переделывает свои речи, а влюбленный — молебны. Если хотите, чтобы телу было хорошо, позвольте мысли странствовать и созерцать.

К этому приведет наука, если она не будет претенциозной, пустословной или нетерпеливой, а отвлечет нас от книг и уведет взор за горизонт. Итак, нужно усваивать и странствовать. Раскрой в предмете его истинные связи, и он приведет тебя к другому предмету, к тысяче иных предметов, а это половодье унесет мысль к ветру, облакам и планетам. Истинное знание никогда не позволяет глазу задержаться на какой-либо мелочи перед ним, поскольку "знать" — это значит улавливать связь мельчайшего с целым. Ничто само по себе не имеет смысла, и поэтому

правильный поступок отдаляет нас от себя, что одинаково полезно не только для глаз, но и для духа. Благодаря этому наша мысль обретает покой во Вселенной – своей обители и придет в гармонию с жизнью тела, которое тоже неотделимо от всецелого. "Небо – вот моя отчизна", – сказал христианин, не подозревая, насколько это верно. Смотри вдаль!

/1911/

ГРУСТНАЯ МАРИЯ

Давайте подумаем о циклических психозах и в частности о феномене "грустной и веселой Марии", с которым столкнулся в своей клинике один из наших профессоров психологии. Эта, ныне уже подзабытая история заслуживает, чтоб о ней помнили. Названная девушка с точностью часового механизма неделю была веселой, неделю – печальной. При веселом настроении все шло хорошо: ей нравились и дождь и солнце, малейшее проявление дружбы приводило в восторг, а вспомнив о каком-нибудь увлечении, она восклицала: "Какой это был чудесный случай!" Она никогда не унывала, ее мысли были окрашены радостью, как прекрасные, ухоженные цветы, которые всем любезны. Ее состояние было таким, какого я желал бы и вам, дорогие друзья. Как гласит пословица, у палки два конца, а у всякого события – две стороны: мрачная и ободрительно-утешительная, а зависимости от подхода, и усилия быть счастливым никогда не проходят даром.

Через неделю всё, правда, менялось, и девушка впадала в отчаянную тоску. Ее ничто больше не интересовало, ничто не радовало, она не верила в счастье, не верила в привязанности. Никогда и никто ее не любил и поделом – она ведь глупа и скучна, и, думая так, еще больше ухудшала свое состояние, хотя и знала об этом. Она губила себя последовательно и со страшной методичностью. "Вы хотите, чтоб я поверила, будто я вам интересна, – говорила она, – новы меня не проведете". К комплименту она относилась как к насмешке; к услуге – как к унижению; тайна была для нее гнусным заговором. Нет средства от подобных воображаемых несчастий, поскольку самые лучшие события для несчастного человека бессмысленны, ибо где силы, чтобы поверить в счастье?

Один профессор преподавал, однако, самонадеянным людям еще более суровый урок, провел еще через более тяжелое испытание. Долго наблюдая и исследуя эти быстротечные перемены, он подсчитал число кровавых телец в кубическом сантиметре и обнаружил следующую закономерность. Когда близился к концу оптимистический период, кровавых телец становилось меньше, а в конце меланхолического периода — вновь больше. Таким образом, игра возбуждения была вызвана мало- и полнокровием, и на бурные речи врач мог ответить: "Не волнуйтесь! Завтра вы будете счастливы". Однако девушка не хотела этому верить.

Мой приятель, который мнит себя принципиальным меланхоликом, заявил по этому поводу: "Ну и что? Мы здесь совершенно бессильны. Ведь не могу же я мысленно увеличить у себя число кровавых телец. Вся философия тоже суета. Радость или горе сей огромный мир несет нам по своим законам, как зиму и лето, дождь и солнце. Мое желание счастья похоже на желание пройти под дождем по этой долине; я ни над чем не властен, я не создаю в себе меланхолии, а просто ее терплю и знаю, что терплю. Неплохое утешение!"

Правда, все не так просто. Известно, что копание в неприятных отзывах, мрачных предсказаниях и дурных воспоминаниях воспринимается как суть печали и доставляет определенное наслаждение. Однако, когда я знаю, что все дело в кровавых тельцах, я смеюсь над своими сетованиями, гоню печаль в тело, где она — всего лишь обычная усталость или болезнь. Легче терпеть боль в желудке, чем предательство. И не лучше ли говорить, что мало не верных друзей, а кровавых шариков? Возволнованный человек не хочет ни брома, ни разумных доводов. Разве не замечательно, что мой метод одновременно действует как оба лекарства?

/1913/

О ЖАЛОСТИ

Омрачающая жизнь доброта есть ни что иное, как печаль. Обычно ее называют жалостью, и она — одно из зол рода человеческого. Взгляните, как сентиментальная дама говорит с исхудавшим чахоточным. Увлажненный взор, тон голоса и содержание разговора звучат недвусмысленным приговором этому бедняге. Он, од-

нако, ничуть не раздосадован и переносит жалость ближних так же, как свой недуг. Так было всегда. Приходят, чтобы еще чуток погоревать о нем и пропеть все тот же припев: "У меня сердце разрывается, когда я вас вижу в таком состоянии!"

Естественнее ведут себя более разумные люди. В этом случае разговор звучит ободряюще: "Держитесь! Со временем вы поправитесь". Вид говорящего не очень, правда, вяжется с его словами, да и сам разговор наводит на слезы. Если бы это было пустой формальностью, то больной отлично бы все понял, ведь красноречивый взор говорит ему больше, чем все слова.

Как же быть? Очень просто. Не надо быть унылым, надо надеяться и вселять в людей надежду, которой обладаешь. Надо полагаться на природу, смотреть в будущее с оптимизмом и верить, что жизнь восторжествует, иначе же ложись — и помирай. Сила жизни вскоре заставит вас забыть о бедняге, но ее-то вам и нужно ему передать. Не стоит по-настоящему его особенно жалеть, хотя нельзя быть суровым и бесчувственным. Надо просто быть по-дружески приветливым. Любому неприятно вызывать жалость, и когда больной замечает, что его вид не затмил радости в добром человеке, он приободряется и утешается. Доверие — отличное лекарство.

Мы все отравлены религией. Мы привыкли видеть коря, подкарауливающих людские слабости или горести, чтобы прикончить умирающего проповедью, от которой задумаются остальные. Я ненавижу это погребальное красноречие. Надо проповедовать жизнь, а не смерть, сеять не страх, а надежду, и сообща растить радость — истинное сокровище человека. В этом заключается тайна великих мудрецов и свет завтрашнего дня. Страдания — печальны. Печальна и ненависть. Пусть их сразит радость. Скажем же — в унынии нет ни благородства, ни красоты, ни пользы.

/1909/

ОПТИМИЗМ

Если бы я вдруг стал писать трактат о нравственности, то на первое место поставил бы бодрость духа. Не знаю, какая жестокая религия убедила нас в том, что печаль — возвышенна и прекрасна, и что мудрец должен размышлять о смерти, коная себе могилу. Когда мне было десять лет, я побывал у трапистов и

видел могилы, которые монахи потихоньку рыли каждый день, и часовню, где в назидание живым мертвецы лежали целую неделю. Эти мрачные картины и трупный запах долго преследовали меня, хотя и были поучительны. Не помню, а потому точно не могу сказать, когда и отчего я ушел из католичества. Но я сказал себе тогда: "Не может быть, что здесь — подлинная тайна жизни". Все мое существо восстало против скорбных монахов, и я избавился от их религии, как от болезни.

Ее отпечаток остался, однако, на мне. Он есть на всех нас. Мы очень легко начинаем хныкать, да к тому ж по мелочам. Когда же нас постигает настоящее горе, мы считаем своим долгом кричать о нем. Это говорят предрассудки, пахивающие ладаном. Мы все простим человеку, который умеет хорошо плакать. Посмотрите, какие трагедии разыгрываются на могилах! Оратор убит горем, и слова застревают у него в горле. Древние нас бы просто пожалели. "Как? — сказал бы мудрец. — Разве такой говорящий утешает? Он не может вести по жизни, он — просто трагический актер, специалист по горю и смерти". А что бы он сказал о нелепом "*Dies irae*" ?* Полагаю, он отнесся бы к нему, как к гимну из трагедии. "Пока страдания меня не коснулись, — сказал бы он, — я могу взирать на горестное зрелище, и оно будет для меня хорошим уроком. Когда ж обрушится настоящее горе, я должен проявить себя мужчиной, стиснуть зубы и, подобно воину, который идет навстречу врагу, собрать волю и жизнь для борьбы с несчастьем. О мертвых я должен говорить с радостью и дружелюбием, насколько я способен. Мертвецы покраснели бы, увидь они этих людей с их отчаянием".

Отбросив поповские выдумки, нам остается с достоинством принимать жизнь и не удручать себя и близких заразой трагических декламаций. А что еще важнее, ибо это — главное: не рассказывать о житейских бедах, не выставлять их напоказ и не раздувать. Надо быть другом себе и людям. Помогать им жить и помогать жить себе — это и есть настоящее милосердие. Добро — это радость; любовь — тоже!

/1909/

Сейчас, во время отпусков, кругом полно людей, которые спешат от зрелища к зрелищу, явно стремясь за краткий период увидеть как можно больше. Хорошо, когда это делается ради будущей беседы, так как в беседе, чтобы скоротать время, надо знать о каких-то местах. Но я совсем не понимаю, зачем это людям, которые действительно хотят что-то увидеть? Когда вещи схватываются на лету, то они делаются очень похожими друг на друга. Поток — всегда поток, и у бегущего галопом по свету впечатлений в конце ничуть не больше, чем в начале.

Подлинное богатство в зрелище — это подробности. Видеть — значит, разглядывая детали, чуть задержаться на каждой, а потом сразу одним взором охватить целое. Не знаю, сколь быстро делают это остальные, переходя к другой вещи и начиная сызнова, но мне это не удастся. Хорошо жителям Руана, которые ежедневно, как на картину в доме, могут смотреть на что-то прекрасное, например, на часовню Сен-Уан.

Когда турист всего раз побывает в музее или стране, его воспоминания почти неизбежно путаются, и в конце концов возникает некая бесцветная мозаика.

По-моему, путешествовать — значит пройти зараз не более одного-двух метров, потом остановиться и взглянуть на то же самое с новой точки зрения. Стоит подчас отойти чуть вправо или влево, как всё меняется, а это куда полезнее, чем прошагать сотню километров.

Если поток несет меня, я не могу из него выбраться, но если я перехожу с утеса на утес, то поток меняется с каждым моим шагом. Когда я возвращаюсь к уже виденному, оно увлекает меня сильнее нового, ибо это действительно — новое. Чтобы не заскучать от привычного, надо лишь выбрать богатую и разнообразную картину. Еще следует добавить, что, совершенствуясь в искусстве разглядывания, от любой картины получаешь неизбывную радость. Отовсюду можно увидеть звездное небо, эту прекрасную бездну.

/1906/

ТЕРПЕНИЕ

Когда я иду на поезд, то всегда слышу: "Вы приедете не раньше такого-то часа. Ах, как длинна и утомительна эта поездка!" Как жаль, что люди так думают, и как верно сказал по этому поводу стоик: "Уничтожь суждение, и ты истребишь зло!"

Если иначе взглянуть на вещи, то поездка по железной дороге может оказаться одним из самых больших удовольствий. Откройся вдруг панорама, где как с гигантского колеса с центром в глубине горизонта можно было бы увидеть цвета неба и земли, всем захотелось бы посмотреть подобное зрелище. А если какой-нибудь изобретатель сумел бы уничтожить тряску и шум при поездке, то она стала бы еще замечательней.

Ведь стоит сесть в поезд, и вы получаете бесплатно, да, бесплатно, все описанные чудеса, ибо платите только за проезд, а не за лицезрение долин, рек и гор. В жизни столько живых удовольствий, которые ничего не стоят и которыми мы пренебрегаем. Не мешало бы развесить повсюду и на всех языках объявления: "Одумайтесь и наслаждайтесь!"

Вы на это ответите: "Я — пассажир, а не зритель. Важное дело заставляет меня быть там-то и там-то и как можно быстрее. Вот что меня волнует. Я считаю минуты и каждый поворот, проклиная остановки и медлительных носильщиков, лениво везущих чемоданы. Мысленно я тороплю чемоданы, тороплю поезд, тороплю время. По-вашему, это глупо, а по-моему — естественно и неизбежно, раз в моих жилах течет еще кровь".

Неплохо, конечно, что в жилах течет кровь, хотя даже обитающие на земле животные не слишком стремительны и до подходящего момента благоразумно берегут свой азарт. Опасен не тот фехтовальщик, который с тоцотом, сломя шею, атакует, а флегматик, который подкарауливает ошибку противника и налетает внезапно, как коршун. Вы же, стремясь действовать, тоже не торопите свой вагон, ибо он движется и без вас, не подгоняйте величественное и невозмутимое время, которое ведет Вселенную от одного мига к другому. Все вокруг вас ждет вашего взора, чтобы увлечь и проявиться. Учитесь благоразумию, учитесь быть другом себе.

/1910/

Когда малыш кричит и его не унять, нянька высказывает подчас самые смелые догадки о его характере и о том, что ему нравится и не нравится, вспоминая даже о наследственности, и уже видит в сыне отца, и этим психологическим теориям предается до тех пор, пока не найдет иголку — истинную всему причину.

Когда юному Александру подарили знаменитого коня Буцефала, ни один конюх не мог справиться с диким животным, так что какой-то простолудин даже воскликнул: "Смотри, какой злой конь!" Александр же искал иголку и вскоре нашел ее, заметив, что Буцефал ужасно боится собственной тени, а поскольку от страха дрожала и тень, то так продолжалось бесконечно. Он повернул Буцефала мордой к солнцу и таким образом укротил его. Ученик Аристотеля понимал, что со страстями не совладать, если неизвестно, чем они вызваны.

Многие люди в душе справились со страхом, но когда он на них нападает, они не слушают никаких доводов, а прислушиваются к биению сердца и пульсированию крови. Об опасности педант рассуждает со страхом, а эмоциональный человек — с опаской о страхе; оба стремятся действовать разумно, и оба заблуждаются, хотя педант заблуждается вдвойне — настоящая причина ему неизвестна и непонятна чужая ошибка. Чтобы объяснить реальный и многократно испытанный страх, испуганный человек придумывает какую-нибудь опасность. Страх, однако, возникает от малейшей, вовсе не опасной неожиданности, например, от близкого револьверного выстрела, которого совершенно не ждешь, или от появления чего-то внезапно. Генерал Массена испугался и пустился наутек от статуи на слабо освещенной лестнице.

Порой нетерпение и определенные настроения появляются у человека тогда, когда он чересчур долго был на ногах: поэтому не гадайте о настроении, а предложите ему сесть. В высказывании Талейрана, что манеры — это всё, сказано больше, чем он хотел. Избегая огорчений, он искал иголку и в конце концов находил. В наши дни у всех дипломатов в пеленках где-то спрятана иголка, этим то и вызваны неурядицы в Европе: всем известно, что от крика одного младенца начинают орать остальные, но худо, когда орать заставляют. Ребенка нянька привычным движением переворачивает на живот, но есть и другие приемы и меры. Подобное искусство — эффективно и не требует многого.

По-моему, все беды 1914 года возникли от того, что государственные мужи были застигнуты врасплох и поэтому перепугались. Испуганный человек склонен к гневу, ведь за раздражением следует возбуждение. Не очень-то приятно, если у человека срывает отпуск или досуг: он иногда меняется и меняется заметно. Никогда все-таки не говорите, что люди — злы, что это у них от характера. Идите иголку!

/1922/

СИЛА СТРАСТИ

Конкретность страсти нас почти всегда вводит в заблуждение, то есть я имею в виду пессимистические или жизнерадостные, радужные или мрачные фантазии, которые мелькают в нашем воображении в зависимости от того, отдохнуло или устало, возбуждено или подавлено наше тело. В этих случаях мы, разумеется, всегда виним обстоятельства и себе подобных и не пытаемся выяснить и изменить подлинную, подчас неважную и пустяковую причину.

Когда приближается пора экзаменов, многие корпят до сари, утомляя глаза и вызывая головную боль — небольшое недомогание, которое проходит после отдыха и сна. Но простодушный абитуриент думает не об этом. Он прежде всего видит, что дело движется медленно, прочитанное путается, чужие мысли остаются в книге, а не усваиваются, и его охватывает уныние при мысли о трудном экзамене и своей бездарности. Его взор потом возвращается к прошлому и сквозь образовавшуюся печальную неразбериху он, вспоминая, замечает, или ему так кажется, что дельного сделано ничтожно мало, что все надо повторить, все в тумане и не укладывается в голове. Обращаясь к будущему, он думает, что времени совсем не осталось, а работа идет медленно, и тогда он опять хватается, охватив руками голову, хотя лучше было бы лечь и поспать, потому что он устал. Хорошо бы ему вспомнить о глубокой мудрости стоиков, о которой толковали еще Декарт и Спиноза. Человеку надо с недоверием относиться к игре воображения и путем рассуждения вскрыть в ней силу страстей и не верить ей, что сразу избавит его от недомогания, ибо небольшую головную боль и усталость глаз можно перенести, к тому же они непродолжительны, а отчаяние — страшно и усиливается само собой.

Вот тут-то страсти и улавливают человека. Сильно разгне-
ванный человек сам для себя играет увлекательную и хорошо сра-
ботанную трагедию, в которой он выводит все грехи своего врага,
свои уловки, приготовления, презрение и планы на будущее; всё
подаётся с гневом, и гнев оттого увеличивается; он похож на ху-
дожника, который написал фурий и сам их испугался. При таком
отношении гнев подчас кончается вспышкой из-за пустяков, кото-
рые усилила гроза в сердце и мускулах. Понятно, что нельзя ус-
мирить это волнение, рассуждая в историческом плане и анализи-
руя оскорбления, притязания и требования, ибо освещены они тоже
ирреально, как при умопомрачении. Размышляя, надо еще раз опре-
делить силу страстей и не верить им. Вместо слов "Этот лицемер-
ный друг всегда меня презирал" скажем "От волнения я неверно ви-
жу и сушу, и похож на трагика, который декламирует для самого
себя". И тогда вы увидите, как за отсутствием публики погаснут
огни рамп, а блестящие декорации окажутся жалкой мазней. Вот
настоящая мудрость, настоящее оружие против поэтизации неспра-
ведливости. Но увы! Нам дают советы и нами руководят случайные
моралисты, которые лишь умеют приводить себя в исступление и
всучать свои беды другим.

/1913/

ОБ ОТЧАЯНИИ

"Жулик, — сказал кто-то однажды, — из-за пустяков не конча-
ет с собой". Не в первый и не в последний раз честный человек,
почитая себя обесчещенным, лишает себя жизни, и его оплакивают
даже те, кто, по его мнению, презирали его. В этой драме, кото-
рая еще долго будет занимать меня, я стараюсь определить, поче-
му человек, стремящийся к справедливости и разумности, совладав
подчас с одними страстями, подвергается нападению и подчиняется
другим, а также путем каких рассуждений он сумел бы справиться
с отчаянием.

Рассуждать о ситуации, ставить трудную задачу, искать реше-
ния и не находить его, не знать, как за нее взяться, гонять, слов-
но коня по кругу, одни и те же мысли, — все это, скажете вы, му-
чительно, да и от разума получаешь шипки. Вовсе нет. Чтобы не
ошибиться таким образом, надо верно начать. Есть множество

проблем, где ничего не разберешь, чем с легкостью и утешаешься. Совет, разбиратель, судья могут быстро выяснить, что дело — безнадёжно, или даже ничего не решать, чтобы не лишаться аппетита и сна. В сложных рассуждениях нам неприятны не они сами, а некая борьба или противостояние, или, если хотите, стремление, чтобы вещи выглядели иначе, чем на самом деле.

В развитии страсти существует, по-моему, какое-то сопротивление непоправимому. Страдающий, например, от любви к глупой, тщеславной или холодной женщине, упорно стремится к тому, чтобы она была иной. Даже когда крах неизбежен и об этом известно, страсть не теряет надежды и как бы заставляет ум еще раз проделывать прежний путь, чтобы отыскать дорогу, ведущую в другую сторону. Однако путь пройден, и ты стоишь, где стоишь, и нельзя на путях времени ни пойти назад, ни снова пройти той же дорогой. Я нахожу мужественным человека, который, видя, где он находится, реальные факты и действительно непоправимое, движется все же от них к будущему. Правда, это — нелегко и требует тренировки на мелочах, иначе страсть станет похожей на льва, который часами ходит перед решеткой, как бы надеясь, что, дойдя до одного конца, он не увидит другого. Короче говоря, вызванная созерцанием тоска — бессмысленна и даже губительна, ибо мы все мыслим и все ищем. По словам Спинозы, раскаяние — это вторая ошибка.

"Однако, — заявляет унылый человек, если он читал Спинозу, — не могу ж я в печали веселиться, это не соответствует моему настроению, заботам, возрасту, погоде". Ладно. Скажите это себе и скажите серьезно, отыщите в унынии его истинную причину, и ваши мрачные мысли, как мне кажется, исчезнут, подобно тучам при ветре. Пусть на земле — мерзко, зато на небе — безоблачно, и это тоже неплохо: вы заперли уныние в теле, отчего ваши мысли как бы очистились. Или, если хотите, мысль окрыляет уныние, делает ее крылатой тоской, а я своими рассуждениями, когда они верно направлены, могу подрезать ей крылья, и тоска не взлетит. Пусть она будет под ногами, а не перед глазами. Да вот беда, мы всегда стремимся к тому, чтобы тоска парила в небесах.

/1911/

Поскольку неопределенность — худшее из зол, то церемонии, обряд, костюм и мода — кумиры нашего общества. Всякая импровизация неприятна не только потому, что можно было бы поступить или сказать иначе, а потому, что в теле соединяются два усилия, и это тревожит наших исполнителей — мускулы, а из-за неожиданности — и сердце, нашего тирана. Застигнутый врасплох и поставленный перед дилеммой человек становится больным. Вот отчего свобода делает человека злым. Взгляните на ребенка: любая игра без правил приводит к жестокости. Напрасно вы думаете, что дурные страсти меж собой соединены как арки, на которые давит закон. Закон — это удовольствие, а его отсутствие — неприятно и раздражает неопределенностью, чреватой эксцессами. Когда человек гол, он одержим. Наряд — уже закон, и всякий закон дорог как наряд. Людовик XIV имел поразительную, как будто непонятную власть над своими приближенными, благодаря установленным им законам при отходе ко сну, вставании и на горшке. Нельзя при этом утверждать, что он, как властелин, создал эти законы, наоборот, он обладал властью, сам будучи законом. В его окружении всякий всегда отлично знал, как ему поступать, и это создавало впечатление неизблемости.

Война всем неприятна, хотя рассудок и тут заблуждается: мужчины находят подчас в ней мир, да, настоящий мир, присущий нашему естеству. Каждый знает, что ему делать. Напрасно разум напоминает о беде, она вовсе не страшна и не омрачает глубинную радость; каждый видит совершенно определенную задачу, которая является его уделом, и неизбежные для него действия; в этом направлении устремлены все его мысли, а следом и тело; подобное послушание столь свойственно человеку, что его надо переносить как ураган. Можно удивляться, как много добиваются власти, но все потому, что они и требуют много. Столь же хорошо излечивает от нерешительности монастырский устав. Зачем советовать молиться, надо велеть сделать это в определенный час. Присущая власти мудрость всегда выливается в сухой безоговорочный приказ. Малейшее рассуждение быстро вызывает тысячи мыслей. Мыслить, конечно, приятно, но за эту радость приходится платить умением принимать решения. Автор данной модели человека — Декарт; вопют, как известно, не ради удовольствия, а чтобы избавиться от чересчур назойливых мыслей.

Можно насмехаться над модой, а ведь она — довольно серьезная вещь. Разум делает вид, будто ее презирает, но перед тем надевает галстук. Униформа и ряса оказывают удивительно успокаивающий эффект. Эти одежды усыпляют: складки сладкого, сладчайшего покоя действуют автоматически. Мода ведет к той же цели, давая радость выбора, но только воображаемую. Хотя цвета привлекают, выбор делать страшно. Как в театре, зло в данном случае вышло для того, чтобы лучше почувствовать добро. Вот как возникает поклонение вчера красному, а завтра — синему. Это — общность мнений, которая не доказывается. Совершенно верно, что блондинам не идет желтое, а брюнетам — синее. Но выражение тревоги, желания и сокрушения не идет никому.

/1923/

ПОЗДРАВЛЕНИЯ

Все эти поздравления и пожелания, букеты в январе — одни жесты, да и только. Правда, жесты многозначительные. Так как мир, облака, молнии и птицы предвещали хорошую охоту или плохое путешествие, то люди веками жили по знакам. Мир, однако, лишь указывает, что одно идет за другим, и ошибочно считать его — ипостасью, которая одобряет или порицает. Мы понемногу избавились от того, чтобы спрашивать себя, есть ли у мира мнение и каково оно. Однако нам никогда не избавиться от того, чтобы не спрашивать, есть ли мнение у нас подобных и каково оно. Нам никогда не избавиться от этого, потому что данное мнение, если оно обосновано, сильно влияет на наше.

Интересно, что обоснованное мнение и резонные слова воспринимаются гораздо лучше, чем молчаливое мнение. Если к первому виду мнения, мнению-совету можно относиться пренебрежительно, то ко второму — нет. Оно действует на нас сильнее, а поскольку мы не знаем как, то мы не знаем, как с ним справиться. Вот на чьих-то лицах лежит как-бы всеобщий укор. В этом случае, если можете, бегите. Так как один человек неизбежно подражает другому, то и я уже выражением своего лица тоже укоряю, безотчетно для себя. Что укоряю? Сам не ведаю. Однако печальный флер ложится на все мои мысли и все планы. Я доискиваюсь до причины в этих мыслях и планах. Доискиваюсь и непременно нахожу, потому

что все стало сложнее и везде подстерегает опасность. А раз надо все-таки действовать и рисковать, как бывает при переходе улицы, то я действую неуверенно, то есть не столь активно и рискованно. Человеку, боящемуся, что его раздавят, от этого не легче, наоборот, подобная мысль его парализует. Еще сильнее действуют предчувствия, которые получаешь от враждебного лица, в более длительных, сложных и неопределенных ситуациях. У некоторых людей всегда дурной глаз.

Я опять возвращаюсь к празднику вежливости, великому празднику. Когда человек видит его на приглашении, которое принес ему почтальон в дурную погоду, то, каковы бы ни были недели и месяцы, их окутает печаль. Вот доброе правило: пусть в этот день всякий будет пророком добра и сам подбирает приятные цветы. Хотя флаг на ветру может порадовать человека, он ничего не знает о настроении человека, его поднявшего. А еще приятнее для всех радость на лицах, особенно у совсем неизвестных людей, ибо тогда я не разгадываю жесты, а воспринимаю их такими, какие они есть, что и лучше. Несомненно верно, что жест радости приносит радость его подающему. А ведь подражать этим жестам можно бесконечно. Не говорите, будто детская радость — только для детей. Даже не думая и не особенно интересуясь, мы придаем большое значение детским жестам; каждый превращается в няньку, и затевается игра в подражание, чтобы понять, чему учат дети.

Хотите вы или нет, этот праздничный день вам понравится. Но если вы этого хотите, если по-настоящему воспользуетесь великой идеей об учтивости, то это будет действительно ваш праздник. Ибо, подражая мысленно жестам, вы примете важное решение не делать в ближайшее время ни одного дурного жеста, ни говорить ни одного слова, которое могло бы омрачить чужую радость; вы также будете устойчивей к мелким огорчениям, малозначительным, но влиятельным, когда о них сообщают с печалью. Благодаря такому счастью как надежда, вы станете счастливы. Вот этого я и желаю вам.

/1926/